

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Д.А. Дирин

В данной статье рассматриваются теоретико-методологические и практические вопросы концепции культурного ландшафта. Раскрывается понятие культурного ландшафта как рационально функционирующей природно-хозяйственной системы. Затрагиваются вопросы многослойности культурных ландшафтов, их иерархии и динамики. Также приводятся основные принципы конструирования культурных ландшафтов, даются рекомендации по управлению ими.

Общеизвестно, что естественные ландшафты планеты сегодня испытывают мощный антропогенный прессинг. Человек изменяет природную среду своего обитания согласно своим потребностям, желаниям, предпочтениям, часто провоцируя и обостряя экологические проблемы. Большинство природных ландшафтов перешло уже в ряд антропогенных.

Но ведь именно антропогенно-преобразованные ландшафты составляют среду жизни человека. Именно в этих природно-антропогенных системах он проводит большую часть своей жизни, обычно крайне редко выбираясь в «дикую» природу. И, несомненно, качествам антропогенной среды, особенностям ее формирования и оптимизации необходимо уделять максимально возможное внимание. От качества среды обитания зависит физическое и психическое здоровье людей, а значит социальная, экономическая и политическая стабильность в регионе, в стране.

Одной из важнейших задач современной науки является оптимизация взаимоотношений общества и природы с целью достижения их коэволюции – гармоничного взаиморазвития [1].

Географическое решение этой задачи во многом видится в рациональной научно-обоснованной территориальной организации природно-хозяйственных систем. Наиболее активно этот вопрос в последнее время разрабатывается в рамках концепции культурного ландшафта. Основополагающие идеи, приведшие впоследствии к формированию этой концепции, были высказаны еще Александром фон Гумбольдтом [2]. В дальнейшем теоретическая основа ее была сформулирована в трудах известных отечественных ученых: В.В. Докучаева, Л.С. Берга, А.И. Воейкова, С.С. Неуструева, В.П. Семенова-Тян-Шанского, В.И. Вернадского, а также знаменитого немца Отто Шлютера и американца

немецкого происхождения Карла Зауэра. Впоследствии разработкой концепции культурного ландшафта в России занимались такие видные ученые как Ю.Г. Саушкин [3], В.Б. Сочава [4], Ю.А. Веденин [5], Р.Ф. Туровский [6], А.Г. Исаченко [7, 8, 9, 10], В.А. Николаев [11], В.Н. Калуцков [12, 13], В.Л. Каганский [14] и др.

Однако, несмотря на множество работ, до сих пор нет единого мнения даже в отношении того, что же нужно считать культурным ландшафтом.

Автор термина «культурный ландшафт» Отто Шлютер (1920) трактовал оный как материальное единство природных и культурных объектов, доступных восприятию человека, которому и отводил ключевую роль в его (культурного ландшафта) генезисе [15, С. 43].

Во многих современных работах культурный ландшафт понимается не как физическое явление, комплекс осязаемых природных и антропогенных компонентов, но как некий пейзаж. Такой подход характерен для американской школы. Так, например, известные американские географы Т. Джордан и Л. Раунтри (1986) считают, что именно изучение преобразований внешнего вида природного ландшафта человеческой деятельностью и является главным предметом географии культуры [16]. В этой же традиции другие американские исследователи – Дж. Феллманн, А. Гетис, Дж. Гетис – сам культурный ландшафт определяют как «осязаемое физическое свидетельство данной культуры» [17, Р. 34]. По мнению этих авторов, культурный ландшафт – это любая геосистема, во внешнем виде и внутренней структуре которой очевидны присутствие и преобразующая деятельность человека (носителя той или иной культуры). Следуя этой логике, свалка, к примеру, также является культурным ландшафтом. Уж там преобразующая природную основу деятельность человека видна как нигде.

Справедливости ради нужно отметить, что данный подход разделяют далеко не все культур-географы. Так, например, классик культурной географии Карл Зауэр, основавший известнейшую Калифорнийскую культурногеографическую школу, вообще исключал эстетические и духовные свойства из культурного ландшафта. Похожие мысли присущи и еще ряду авторов (в том числе и советских), работавших в основном до 1960-х годов в антропоцентристской традиции, в рамках идеи «покорения природы». Для них культурный ландшафт должен быть лишь рационален и эффективен как хорошо функционирующий слаженный механизм, дающий определенную продукцию. Внешний вид и внутренняя сущность при этом играют второстепенное значение.

С данной трактовкой, как и с предыдущими, вряд ли можно согласиться.

На наш взгляд, наиболее приемлемым с точки зрения потребностей современного общества и научной логики является представление о культурном ландшафте, развиваемое российскими географами А.Г. Исаченко и В.А. Николаевым. В русле их идей находится и наше понимание культурного ландшафта.

Итак, культурный ландшафт – *природно-хозяйственная система, сознательно и рационально преобразованная согласно человеческим потребностям и одновременно сохраняющая свои экологические функции.*

Противоречия между социальной, производственной и природной составляющими в этой системе максимально сглажены. Природная доминанта максимально выражена, а сам ландшафт предельно продуктивен.

Культурный ландшафт – разновидность антропогенного, но представляет собой рационально организованную геосистему, находящуюся длительное время в состоянии динамического равновесия при отсутствии серьезных деструктивных последствий человеческой деятельности.

На противоположном полюсе в составе понятия «антропогенный ландшафт» находятся деградированные или акультурные ландшафты. Они возникли в результате нерациональной хозяйственной деятельности. Яркими примерами таких геосистем являются разнообразные антропогенные пустоши, свалки, отвалы шахт, заброшенные карьеры, засоленные, заболоченные или эродированные земли и т.п.

В идеальном будущем все акультурные ландшафты должны быть преобразованы в

культурные. Осознавая же постоянный рост численности населения планеты, можно дать желательный прогноз: культурные ландшафты должны покрыть Землю целиком, разрываемые лишь сетью заповедных территорий, выступающих в качестве экологического каркаса.

И здесь концепция культурного ландшафта тесно соприкасается с идеей ноосферы – сферы разума, которая, по мнению В.И. Вернадского должна заменить биосферу, являясь естественным этапом ее развития [18]. Ноосфера – не статичное, а динамичное явление (как и любая открытая система). Она постоянно развивается. Под ноосферой следует понимать достигнутое однажды состояние сбалансированности, равновесия между двумя постоянно развивающимися системами – обществом и природой. Такое совместное развитие и даже «сотворчество» человека и окружающей его среды Н.Н. Моисеев назвал коэволюцией [1]. Именно там, где происходит процесс коэволюции, можно говорить о появлении и развитии ноосферы.

Также академик Н.Н. Моисеев говорит о так называемых «ядрах коэволюции», которые должны появиться в отдельных регионах планеты, в отдельных обществах, где при опоре на культурные традиции будет достигнуто динамическое коэволюционное равновесие. Эти «ядра» будут распространять свое положительное влияние на прилегающие территории пока весь мир не превратится в ноосферу – сферу разумного объединения природной и социально-культурной сред. По своим характеристикам эти самые «ядра коэволюции» есть ни что иное, как региональные культурные ландшафты. Таким образом, культурные ландшафты можно считать проявлением регионального ноосферогенеза. Культурный ландшафт – есть наивысшая форма сотворчества природы и общества, их коэволюции. Именно в культурном ландшафте потребности общества (материальные, духовно-нравственные, эстетические) и возможности природы (природно-ресурсный потенциал ландшафта) находятся в гармоничном равновесии.

По каким же критериям природно-хозяйственная геосистема может быть признана культурным ландшафтом?

Культурному ландшафту, как отмечает А.Г. Исаченко (1991), должны быть присущи «два главных качества: 1) высокая производительность и экономическая эффективность и 2) оптимальная среда для жизни людей, способствующая сохранению здоровья, фи-

зическому и духовному развитию человека» [8, С. 349].

В.А. Николаев (2000) дает более расширенный перечень «главных отличительных черт» культурного ландшафта: «а) гармонизация природной, социальной и производственной подсистем; б) оптимальное устойчивое функционирование; в) минимизация деструктивных процессов; г) здоровая среда обитания; д) наличие постоянного мониторинга; е) антропогенное управление, охрана и уход; ж) высокое эстетическое достоинство пейзажного облика [11, С. 5].

Итак, одной из важнейших и обязательных характеристик культурного ландшафта является его эстетическая привлекательность. Часто именно внешняя, визуальная красота считается свидетельством оптимальной внутренней организации культурного ландшафта.

Живописность пейзажной среды в культурном ландшафте достигается путем максимального разнообразия его составляющих и гармоничного сочетания природных и антропогенных компонентов при общем доминировании природной основы. Антропогенные объекты должны быть удачно вписаны в природную среду, чтобы не выглядеть «инородными телами» на ее фоне [19].

Что касается эстетической привлекательности собственно объектов антропогенного происхождения, то, по словам Д.Л. Арманды (1966), «в большинстве случаев воспринимаются как красивые те творения рук человеческих, которые сделаны целесообразно и добротно» [20, С. 224]. Довольно подробно и обстоятельно эти вопросы рассмотрены в ландшафтной архитектуре и ландшафтном дизайне.

Однако, сегодня культурный ландшафт наделяется не только эстетическим, но и духовным, а также символическим содержанием. Еще в 1929 году об этом пишет немецкий географ Э. Банзе.

Данное направление исследований культурного ландшафта довольно успешно развивается, прежде всего, в работах зарубежных авторов, которые отмечают, что географическое пространство осваивается людьми не только прагматически, но и духовно, аксиологически, символически, знаково [21]. Довольно давно в западной географии развивается идея существования ландшафтов-символов, которые закрепляются в общественном сознании в виде образов территории. Существуют образы национальных

ландшафтов, а также образы отдельных стран, регионов, городов и т.д. [22, 23 и др.].

Один из ведущих отечественных культур-географов Ю.А. Веденин (1997) пишет, что в результате культурного воздействия человека не только изменяется внешний вид территории, «в культурном ландшафте накапливается потенциал интеллектуально-духовной энергии» [5, С. 10].

Продолжая эту линию, Р.Ф. Туровский (1998) говорит о «многослойности» культурного ландшафта. По его словам, «культурный ландшафт включает природный и антропогенный слои. При этом антропогенный слой состоит не только из материальных форм (воплощенных в материи, телесно зримых), но и из образцов духовной жизни, т.е. делится на воплощенный (материальный) и духовный (идеальный) слои» [6, С. 27].

Культурный ландшафт представляет собой иерархичную систему, имеющую несколько таксономических уровней: планетарный (ноосфера), региональный («ядра коэволюции» или культурный район Р. Харшторна и др.) и локальный (собственно культурный ландшафт как целостная и однородная природно-общественная система, обладающая общностью территории и взаимосвязанностью всех компонентов, как природных, так и культурных). Не смотря на имеющиеся попытки классификации культурных ландшафтов (например, Туровский, 1998), сложность этого вопроса требует для своего решения еще многих усилий ученых. Однако следует отметить, что уже в силу разнообразия природной основы, культурных традиций населения, политических условий, рыночной конъюнктуры и т.д. культурные ландшафты могут очень сильно отличаться друг от друга не только внешне (пейзажным обликом), но и хозяйственной спецификой. Не смотря на то, что одним из условия сохранения равновесия системы является ее разнообразие (поэтому при проектировании культурного ландшафта нужно стремиться к оптимальному разнообразию типов использования земель), безусловно, культурные ландшафты будут иметь свою «специализацию». Так можно выделить урбанизированные культурные ландшафты, в которых экономико-социально-культурная компонента максимально концентрирована; аграрные культурные ландшафты; рекреационные культурные ландшафты и др.

Культурный ландшафт ныне мыслится не как некий застывший феномен, но как постоянно развивающийся, меняющийся во времени. Причем, в ходе своего развития он

складывается из серии культурно-исторических пластов, которые могут, как сосуществовать, обогащая культурный ландшафт, так и полностью или частично перекрывать друг друга. Перекрытия прошлых исторических пластов могут происходить спонтанно или сознательно, благодаря осознанным, плановым действиям населения – носителей своей культуры. Таким образом, еще одна особенность культурного ландшафта – его динамизм.

Многие исследователи культурного ландшафта указывают также на его этноисторическую сущность (эти идеи одним из первых сформулировал Л.Н. Гумилев (1990)) [24]. Культурный ландшафт впитывает в себя традиции и быт местного населения, его мировоззрение, духовность, исторический опыт. И это придает культурным ландшафтам самобытность и удивительный национальный колорит. Поэтому часто говорят о национальных культурных ландшафтах, этнокультурных ландшафтах, традиционных культурных ландшафтах и т.д. [25, 26, 27, 28 и др.].

О взаимосвязи и взаимовлиянии культурного ландшафта и населяющего его этноса в исторической ретроспективе лаконично пишет В.А. Николаев (2000): «Культурный национальный ландшафт – “эстафета” поколений. С ним от эпохи к эпохе передаются накопленные веками материальные и духовные богатства нации. Одновременно культурная ландшафтная среда растит и формирует свой будущий социум. Люди строят и оберегают родные этнические ландшафты, а ландшафты духовно созидают и воспитывают людей» [11, С. 7].

Особый тип культурных ландшафтов представляют собой традиционные культурные ландшафты, сохранившие саморегулирующуюся систему взаимоотношений природы и общества, исторически сложившуюся на территории, опирающуюся на опыт предков и передающуюся от поколения к поколению. Особенностью природопользования в традиционном культурном ландшафте является его экстенсивный характер и опора на самовосстановительные способности экосистемы.

Попытаемся рассмотреть перспективы и проблемы развития традиционного природопользования в современных социально-экономических, политических и экологических условиях.

Во-первых, при постоянном увеличении численности населения на планете в целом и, соответственно, плотности населения в пределах конкретных территориальных еди-

ниц, экстенсивные методы ведения хозяйства, свойственные традиционному природопользованию, уже не могут удовлетворять общественным потребностям. Выходом из ситуации является либо политический конфликт, выливающийся, как правило, в силовое решение территориальных споров (война за жизненное пространство), либо внедрением новых форм производства, интенсификацией хозяйства, что, по сути, означает отмирание традиционных культурных ландшафтов.

Во-вторых, распространяющиеся (территориально) быстрыми темпами процессы урбанизации и индустриализации также уменьшают шансы традиционного природопользования на дальнейшее развитие. Для него в буквальном смысле остается все меньше места на Земле.

Но особенно большую негативную роль в судьбе традиционных культурных ландшафтов, на наш взгляд, играют процессы социально-этнической интеграции и глобализации, наряду с распространением так называемой «массовой» техногенно-потребительской культуры (работающей на большой бизнес, который всячески ее поддерживает), на фоне деградации и, порой, отмирания духовно-экологической самобытной культуры этносов. В данном случае видятся следующие следствия: потеря «корней» деформирует сознание и самосознание индивида, лишает его многовекового культурно-исторического опыта предков. Человек уже не принимает морально-этические нормы и принципы (в том числе относительно природопользования) своего этноса, хотя все еще может идентифицировать себя с ним. Когда нет руководящих принципов, регламентирующих хозяйствование, а также внутренней установки на поддержание качества природной среды для благоприятного развития будущих поколений, ни о какой традиционности в природопользовании уже говорить не приходится. Еще одним немаловажным следствием распространения техногенно-потребительской культуры является психологически обусловленный постоянно возрастающий уровень материальных потребностей населения. Современные представители этносов, системы природопользования которых еще недавно могли определяться как традиционные, не согласны уже довольствоваться тем необходимым, что может дать им природа. Им нужно новое, современное, модное. Но рост потребностей (связанный с ценностно-психологическим фактором), особенно у

населения, ведущего традиционное природопользование, приводит к наиболее острым экологическим последствиям, так как при сохранении форм хозяйствования (например, отгонное животноводство) многократно увеличивается его интенсификация (численность поголовья), что приводит к резкому увеличению нагрузок на ландшафты и быстрой их деградации. Резюмируя вышесказанное, отметим, что традиционное природопользование возможно только при традиционных потребностях.

Таким образом, традиционные культурные ландшафты являются своеобразными реликтами, которые, к сожалению, постепенно отмирают. Безусловно, они представляют большую культурно-историческую ценность и нуждаются в охране. Возможность их сохранения видится в создании территориальных рекреационных систем на основе традиционных этнокультурных ландшафтов.

Важнейшим критерием выделения оптимизированной территориально-хозяйственной системы – культурного ландшафта – является *управляемость*. Блок управления – необходимое звено в структуре культурного ландшафта.

Если природные ландшафты – это внутренне упорядоченные системы, имеющие некоторый уровень устойчивости к внешнему разрушающему воздействию, а также механизмы самовосстановления, то культурные ландшафты требуют постоянного ухода и заботы, приложения человеческих сил для их функционирования. Эксплуатация культурного ландшафта, как отмечает В.А. Николаев (2000), это большой физический, духовный и интеллектуальный труд, без которого система распадается.

Итак, культурный ландшафт – это управляемая геосистема. Естественно, что управляющий блок (управленческий аппарат) должен обладать довольно высокой компетенцией. Но ошибочно было бы думать, что для оптимального функционирования культурного ландшафта достаточно иметь квалифицированную администрацию. В процессе управления культурным ландшафтом, так или иначе, участвуют (каждый на своем уровне) все его пользователи: от крупных чиновников, до рядовых фермеров. Поэтому, во многом нормальное функционирование культурного ландшафта зависит от уровня экологической культуры его населения.

Принято выделять две формы управления культурным ландшафтом «жесткую» и «мягкую» [11].

Под «жестким» управлением подразумевается внедрение в структуру ландшафта инженерно-технических сооружений для защиты населения и важных хозяйственных объектов от разрушительных природных явлений (наводнений, селей, лавин, камнепадов и т.д.). К таким сооружениям относятся дамбы, плотины, каналы, подпорные стенки и т.п.

«Мягкое» же управление основано на мобилизации природных сил самого ландшафта. Этот подход считается наиболее оправданным и приемлемым, позволяющим добиваться наилучших результатов при наименьших затратах [11].

Именно в этом контексте говорил о сотворчестве человека и природы В.Б. Сочава (1978): «Под сотворчеством мы понимаем осуществляемую человеком систему мероприятий, направленную на развитие потенциальных сил природы, активизацию природных процессов, увеличение продуктивности геосистем, а, следовательно, и коэффициента полезного использования энергетических возможностей земного пространства» [4, С. 254].

Но для полноценного мягкого управления культурным ландшафтом, природная подсистема в нем, как уже отмечалось, должна доминировать. На необходимость этого указывают также Л. Бауэр и Х. Вайничке (1971): «В пределах допустимого, природа должна удерживать свои права, в том числе и в ландшафте, усиленно эксплуатируемом человеком. В конечном счете, целью развития служит культурный ландшафт. В основе его лежит рациональное использование человеком заключенных в природе потенциальных сил, а не разрушение или угнетение природы» [29, С. 210-211].

Для оптимизации взаимодействия природы и общества и, как результат, формирования культурных ландшафтов в первом приближении можно предложить ряд основных мероприятий и принципов (при этом, естественно, необходимо учитывать региональную специфику):

1. Создание блока управления культурным ландшафтом и мониторинга за его состоянием и функционированием. Для этого должны быть привлечены высококвалифицированные специалисты: географы, биологи, картографы, управленцы, экономисты, инженеры, архитекторы и др.

2. Научнообоснованное, функциональное зонирование территории, то есть разделение ее на функциональные зоны – участки,

предназначенные для выполнения разных социально-экономических функций и различающихся характером и режимом природопользования. Функциональное зонирование осуществляется с опорой на всестороннюю оценку природно-ресурсного потенциала.

При этом желательно учитывать правило функциональной поляризации культурного ландшафта – максимально возможного территориального разобщения противоположных по своему экологическому значению зон. Так экологически опасные зоны (промышленно-энергетические, транспортные и т.п.) должны быть максимально удалены от средообразующих (рекреационно-оздоровительных, селитебных и пр.). Цель этого принципа – минимизировать негативное воздействие на здоровье людей. Названные противостоящие функциональные зоны целесообразно разделять буферными зонами экологического каркаса [11].

3. Формирование экологического каркаса территории. Экологический каркас территории – это ее средообразующий остов, состоящий из естественных и искусственных геосистем, обеспечивающих здоровую экологически благоприятную среду обитания. Экологический каркас образуют разного рода зеленые насаждения и водные объекты.

«Экологический каркас должен быть целостным, то есть представлять единую сеть соединенных друг с другом звеньев – экологических ниш и экологических коридоров. Тем самым в нем создаются благоприятные условия для поселения, размножения и миграции полезных представителей орнитофауны, териофауны, насекомых, обеспечивающих существование биоценоза» [11, С. 6]. В глобальном и региональном масштабе основу экологического каркаса территории должны составлять особо охраняемые природные территории (заповедники, национальные парки, заказники и пр.).

4. Выбор оптимального варианта землепользования для каждого вида ландшафта с учетом экономической, экологической и эстетической целесообразности (в идеале это должно быть сделано для каждого реального ландшафтного контура с учетом природного и социально-экономического окружения). При этом важно иметь ввиду, что часто целесообразнее многие ландшафты оставить в их естественном виде. И в первую очередь это относится к эстетически и/или экологически ценным природным геосистемам. А.Г. Исаченко (2003) пишет: «Если тот или иной природный ландшафт функционирует оптималь-

но с точки зрения потребностей общества, он вовсе не обязательно должен быть окультурен» [9, С. 171].

5. Рекультивирование всех нарушенных и деградированных земель, разнообразных антропогенных пустошей: свалок, заброшенных карьеров, отвалов и пр. Деятельность, направленная на прекращение действия антропогенно- и природно-обусловленных негативных процессов деградации природной среды (дефляции, эрозии, засоления, дигрессии пастбищ и т.д.), прежде всего средствами биологической регуляции (лесонасаждение и т.п.)

6. Профилактика развития негативных процессов и опасных явлений (эрозия, дефляции, наводнения, сход лавин, селей и др.). В этом есть необходимость в тех местах, где постоянно живут люди. Примерами таких мероприятий являются лесонасаждения на склонах крутизной свыше 6° и особенно на склонах формирующихся оврагов, защитные лесополосы между массивами пашен, строительство плотин, лавиноотражателей и т.д..

7. Мелиорация - мероприятия, направленные на повышение потенциала ландшафтов. Прежде всего, это относится к сельскохозяйственным угодьям, которые в культурном ландшафте должны стать максимально продуктивными. При этом целесообразно использовать «мягкие» методы управления. Желательно исключить использование ядохимикатов. Повышение продуктивности должно достигаться при помощи более безопасных мелиоративных подходов (лесомелиорация, снежная мелиорация, водная мелиорация и т.д.).

8. Внешнее благоустройство культурного ландшафта средствами ландшафтного дизайна и архитектуры. «Эстетизация» культурного ландшафта должна быть проведена в разных масштабах во всех его функциональных зонах и особенно селитебной (жилой) и рекреационной [19].

Итак, культурные ландшафты – это один из возможных вариантов развития человеческого общества, желаемый результат гармонизации взаимоотношений природы и общества. Но для его достижения необходим немалый духовный, интеллектуальный и физический труд людей и, прежде всего, победа созидательных, конструктивных сил в массовом сознании, осознание пагубности любого другого пути развития цивилизации. Сегодня лишь немногие территории могут быть отнесены к категории культурных ландшафтов, но они представляют собой пример для формирования глобальной культурно-

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

рования глобальной культурно-ландшафтной среды и ноосферного развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М.: Мол. Гвардия, 1990. – 351 с.
2. Дирин Д.А. Влияние идей А. Гумбольдта на формирование и развитие географии культуры и концепции культурного ландшафта // Гумбольдтовские чтения: материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. – С. 16-25.
3. Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. 1946. №1. – С. 97-106.
4. Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. – 319 с.
5. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. – М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. 1997. – 224 с.
6. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, 1998. – 210 с.
7. Исаченко А.Г. Оптимизация природной среды (географический аспект). – М.: Мысль, 1980. – 264 с.
8. Исаченко А.Г. Ландшафтоведение и физико-географическое районирование. – М.: Высшая школа, 1991. – 336 с.
9. Исаченко А.Г. Введение в экологическую географию: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 192 с.
10. Исаченко А.Г. Теория и методология географической науки: Учеб. для студ. вузов. – М.: Академия, 2004. – 400 с.
11. Николаев В.А. Культурный ландшафт – геоэкологическая система // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2000. – №6. – С. 3-8.
12. Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований. – Москва–Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – С. 6-13.
13. Калуцков В.Н. Схематизации Культурного ландшафта // Культурный ландшафт; Теоретические и региональные исследования / Отв. Ред. В.Н. Калуцков, Т.М. Красовская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003 – С. 10-19.
14. Каранский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. – М.: НЛО, 2001. – 152 с.
15. Стрелецкий В.Н. Культурно-ландшафтные исследования в Германии: традиции и современность // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 42-54.
16. Jordan T., Rowntree L. The Human Mosaic. A Thematic Introduction to Cultural Geography. Fourth edition. – N.-Y., 1986.
17. Fellmann J., Getis A., Getis J. Human Geography. Landscapes of Human Activities. Third edition. – 1992.
18. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Рольф, 2002 – 576 с.
19. Дирин Д.А. Пейзажно-эстетические ресурсы горных территорий: оценка, рациональное использование и охрана (на примере Усть-Коксинского района Республики Алтай). – Барнаул: Азбука, 2005. – 300 с.
20. Арманд Д.Л. Нам и внукам. – М.: Мысль, 1966. – 254 с.
21. Cosgrove D. Geography is Everywhere: Cultural and Symbolism in Human Landscapes // Horizons in Human Geography. – 1988. – P. 118-135.
22. Pohl J. Die Geographie als hermeneutische Wissenschaft. Ein Rekonstruktionsversuch. Kallmuenz – Regensburg: Lasseben / Muenchner Geographische Hefte. – 1986. – Heft 52.
23. Richner M. Sozialgeographie symbolischer Regionalisierungen. Zur gesellschaftlichen Konstruktion regionaler Wahrzeichen: Kapellbruecke. 2 durchges. Aufl. – Zuerich: LU-Verlag, 1999.
24. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.
25. Lowenthal D., Prince H.C. English landscape tastes // Geographical Review. – 1965. – Vol. 55. – P. 186-222.
26. Haerynen M. National landscapes and their making in Finland // Topos. 1994. – № 3 (September). – P. 6-15.
27. Haerynen M. National landscape imagery in the making of Finland // New Comparison. – 1996. – № 21. – P. 146-162.
28. Ямсков А.Н. Этноэкологические исследования культуры и концепция культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 62-77.
29. Бауэр Л., Вайничке Х. Забота о ландшафте и охрана природы. – М.: Прогресс, 1971. – 264 с.